

Димитрий Урушев

В Е Т К О В С К И Й П А Т Е Р И К

Издание подготовлено
Тверской старообрядческой общиной
храма святителя Николы Чудотворца
в Москве при участии ДПСЦ «Панагия»

Художник
инок Алимпий Вербицкий

Москва,
2006
год

Дмитрий Урушев ВЕТКОВСКИЙ ПАТЕРИК

"ВЕТКОВСКИЙ ПАТЕРИК" Д.УРУШЕВА

История русского старообрядчества подобна таинственному пушкинскому Лукоморью, где на "неведомых дорожках" исследователя поджидают неведомые следы, оставленные людьми, безымянно и безвестно исчезнувшими в веках. Потому редкие путеводители по этим «дорожкам» ценны, поскольку помогают не только историкам, но и самим староверам разбираться в хитросплетениях духовной жизни прошлых веков.

В путешествие по малоизученным тропам старообрядческой истории приглашает своей книгой "Ветковский патерик" известный церковный историк и публицист Дмитрий Александрович Урушев. Читатель «НГ-Религии» хорошо знаком с его публикациями, посвященными преимущественно истории Древней Руси и староверия – всегда яркими, со множеством деталей и акцентом на отдельных эпизодах.

На этот раз перед нами плотно, тщательно сотканное из иноческих житий. Староверы до недавнего времени не имели книги, позволяющей одним взглядом охватить суровую, полную испытаний и подвигов судьбу старообрядческого монашества. И вот – свершилось!

Название книги определяет и характер повествования. Агиография (писание житий святых), избранная автором для воплощения своих задумок, весьма непроста. Известный литературовед прошлого А.П. Кадлубовский так определил жанр патериков: «Главное содержание этих памятников – краткие повествования о достопамятных с точки зрения религиозной происшествиях, связанных более или менее с данною иноческою средой».

"Данная среда" книги Д.А. Урушева – местность близ реки Ветка в современной Гомельской области Белоруссии. В XVII веке это были польские земли и сюда, спасаясь от преследований царских властей, устремились тысячи христиан, сохранивших после трагического церковного раскола верность «древлему православию». С конца XVII по середину XIX века Ветка считалась одним из основных духовных центров Старообрядческой Церкви. Особую славу принесли ей монастыри, известные строгой подвижнической жизнью своих насельников. Историк М.И. Лилеев писал: «Из отдаленных великорусских областей шли на Ветку люди только затем, чтобы: «повидать тамошнего монастыря и монашеского жития», так сильно было влияние Ветки».

Именно преподобным отцам посвящен "Ветковский патерик" – их борьбе за истину, за целомудрие, за свободу своей веры, за людей, бесстрашно последовавших в чуждые, доселе им неведомые земли. В Предуведомлении к книге автор пишет, что эти старцы «подобно неисчислимым звездам украшали Церковь Христову, служа верными путеводителями для всех, жаждущих спасения, составляя славу Ветки и похвалу древлего православия».

Современному читателю может показаться, что жанр жития уже отошел в историю, а подобные повествования сегодня встретишь лишь на пыльной библиотечной полке. Как ошибочно это мнение! Автору удалось воссоздать не только жанр патерика, казалось бы, навсегда утраченный современной литературой, но и старомосковский книжный язык. Книга написана уникальным стилем, будто бы полученным в средневековой монастырской школе. Автор воссоздает и ту атмосферу духовного бытия, некогда царившего на Ветке, освященного «правилом веры и образом кротости» людей, посвятивших себя служению Богу.

Тем, кто впервые соприкоснется с этой книгой, можно только позавидовать: им предстоит преодолеть путь из современности в далекое прошлое, полное загадок и тайн, хранящихся в его неистощимых кладовых, и преклониться благоговейно перед памятью ветковских праведников. Но читателя ожидает не только поучительный рассказ.

"Ветковский патерик" – это кропотливый труд сразу нескольких людей. Нельзя обойти вниманием труды московского священника Алексея Лопатина, – именно благодаря трудам его общины, читатель может держать в руках это удивительное во всех смыслах издание. Не менее текста ценны и интересны великолепные иллюстрации, созданные старообрядческим иконописцем иноком Алимпием (Вербицким) в стиле русского книжного рисунка начала XX века (например, в духе художника И.Я. Билибина).

Автор прослеживает судьбы подвижников, какими бы короткими они не были – подлинный подвиг духа способен воплотиться и в нескольких строках, основанных на реальных фактах. В компактности изложения иноческих житий нет авторской недоработки, напротив, это говорит о кропотливом труде по сбору скудного исторического материала. И не удивительно, почему до Д. А.

Урушева никто не брался за эту, на первый взгляд, обреченную на неудачу исследовательскую работу.

Но бесконечно прав А. С. Пушкин, сетовавший: "Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны". Таков русский менталитет. Долгая память – не наш удел и сердце быстро забывает своих досточтимых предков...

Создавая памятник всем «прежде отшедшим отцам и братьям нашим», автор наводит нас на мысль о важности сохранения исторической памяти и своим примером – обращением к столь деликатной тематике – заставляет по-другому взглянуть на малоисследованные страницы русской религиозной истории. Несомненно, прав автор в том, что читатели собранных житий преподобных отцов могут живо представить себе то возвышенное состояние духа, в котором, несмотря ни на какие гонения, находилось старообрядчество, и с грустью сравнить будничное настоящее со славным прошлым...

Авторские размышления, предваряющие житийную часть книги, дают повод задуматься об одном из насущных вопросов современного состояния Русской Православной Старообрядческой Церкви. Способен ли в условиях новой жизни воскреснуть великий дух подвижничества, который вдохновит человека обратить свой взор на чистоту и свет веры, и возродится ли иночество, процветшее на Ветке "яко шипок благоуханен"? Восстанутся ли скиты и монастыри, некогда славные своими строгими уставами и чистым житием подвижников? С долей сожаления, но и с надеждой, которая теплится в душе одинокой лампадой, отвечает на эти вопросы Д.А. Урушев: "Одному Богу известно..."

Максим Гусев

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

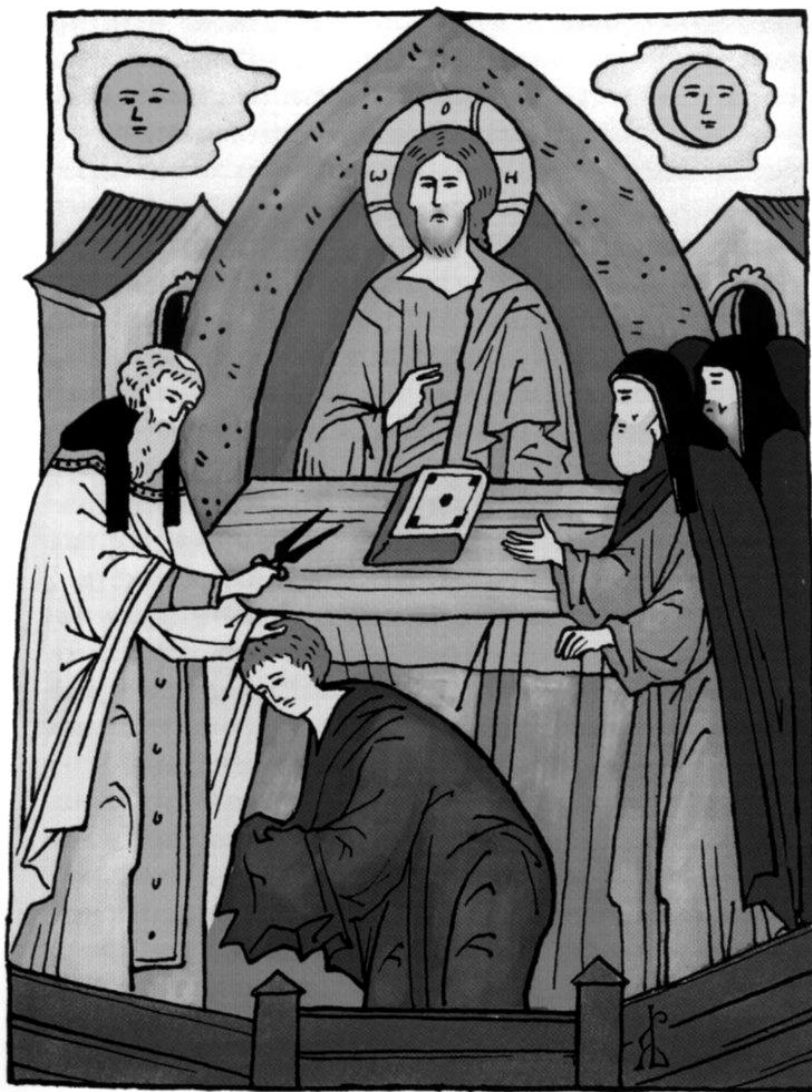
Некогда архангел Рафаил сказал праведному Товиту: "Тайну бо цареву сокрыти благо есть, дело же Божие открыти и исповедати честно есть" (Тов., 12, 7). Посему и мы не умолчим о дивных делах Божиих и о Его милостях, явленных нам чрез верных рабов Христовых, но поведаем о них всем боголюбцам. Вспомним о добродетельных мужах, просиявших на Ветке и в Стародубье. Сии богомудрые и блаженные отцы подобно неистинным звездам украшали Церковь Христову, служа верными путеводителями для всех, жаждущих спасения. В нынешнее же время память о них ослабла, могилы заброшены, дни поминаения забыты...

Но знаем мы: "В память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится" (Пс. 111, 6), а посему и предлагаем сей небольшой патерик: да пробудится в христианских сердцах любовь к бывшим до нас подвижникам Святой Церкви, с которых всем нам подобает брать пример, и да прославится Бог, "Иже всем человеком хочет спастися и в разум истинный прийти" (1Тим., 2, 4).

Читая собранные жития преподобных отцов, мы живо представим себе то возвышенное состояние духа, в котором, несмотря ни на какие гонения, находилось старообрядчество, и с грустью сравним наше настоящее со славным прошлым...

Что было и что стало!.. Воскреснет ли тот великий дух подвижничества, вдохновляющий святых в минувшее время; возродится ли древлеправославное иночество, некогда процветающее на Ветке "яко шипок благоуханен"; восстанутся ли наши скиты и монастыри, некогда славные своими строгими уставами и чистым житием? Одному Богу известно... Мы же ныне преклонимся благоговейно пред памятью святых ветковских отцов, повторив слова Псалмопевца: "Помянух дни древния, поучихся во всех делах Твоих" (Пс. 142, 5).

Чада Истинной Церкви, станем же не только хранить память о Божиих угодниках, но и следовать их житию, исполняя слово апостольское: "Поминайте наставника ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирающе на скончание жития, подражайте веру их" (Евр., 13, 7). Будем же елико возможно подражать их славной жизни, имея прилежание лишь о бессмертной душе! Будем всегда помнить, что угодники Божии бежали в леса и болота, на окраину России, в чужие земли не только ради спасения своих душ, но и чтобы сохранить для нас истинную веру Христову. Следуя их примеру, и мы да соблюдаем православную веру непорочной, а Церковь Божию нерушимой. Укрепим себя помощью чудных ветковских отцов, взывая к их заступлению: "Волнении множество невлажно проходяще, безплотныя враги струями слез ваших крепко погрузили есте, богомудрии и преподобнии. И чудес дар примше, молитесь непрестанно о всех нас"!

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВЕТКОВСКИХ ОТЦЕВ

Иерей КОЗМА

Столичный священник Козма (Кузьма) прихода церкви Всех святых на Кулишках, что в Белом городе (ныне -- Славянская площадь, 2), был в числе тех иереев города Москвы, которые с самого начала раскола Русской Церкви открыто восстали против богопротивных реформ Никона. Среди прихожан, уважавших его за добрую жизнь, он поддерживал ревность к древнему благочестию и отвращение к никоновым новшествам. Прихожане его были в большинстве посадские люди, занимавшиеся городской промышленностью и местной торговлей, люди все богатые. Отец Козма был хорошо знаком со священномучеником и исповедником Аввакумом, который так говорил в своих письмах о московском священнике: "Козма добрый человек, -- я в его церкви и детей духовных своих причащал; со мною он говаривал: он обедню поет в олтаре, а я на крылосе у него певал". Священномученик Аввакум упоминает отца Козму и в других посланиях. Без всякого сомнения, отец Козма был знаком и со святой преподобномученицей Феодорой (в миру -- боярыней Морозовой). Когда новообрядческий собор 1667 года окончательно проклял древние обряды, отец Козма не захотел оставаться в Москве, которую теперь называли "вторым Вавилоном", и "совет положи с духовными детьми своими отйти в стародубские пределы, соблюдения ради древлецерковного благочестия". Переселение сие состоялось в конце семидесятых годов XVII века, около 1678 года; основанием для подобного утверждения могут служить письма священномученика Аввакума от 1675 и 1676 годов, упоминающие попа Козму как жителя Москвы, и записи окладных сборов со столичного духовенства, указывающие, что в лето 7185 (1677г.) Козма уплатил "окладные деньги" рубль и пять алтын. Итак, около 1678 года с двенадцатью семействами самых ревностных к православию прихожан, имея при себе святое миро и запасные Дары, ушел отец Козма на самый край России, на границу с Речью Посполитой, в Украину Стародубскую. "Здесь у него был приятель, вероятно, один из сотников Стародубского полка, Гаврила Иванович. Снисходя к просьбе попа

Кузьмы, велел он курскому атаману Ломаке поселить московских выходцев в местечке Понуровке". В первый же год христиане, бежавшие от никониан, населили еще четыре слободы: Белый Колодец, Синий Колодец, Шелому и Замишево. Особенно же усилилась старообрядческая эмиграция в Стародубье после поражения в 1682 году московского стрелецкого восстания (т.н. "хованщины").

В 1685 году правительство царевны Софьи издало "Двенадцать статей" -- особое законоположение о розыске и наказаниях древлеправославных христиан. Стародубскому полковнику было велено применить "Двенадцать статей" против поселенца. Ревнители веры Христовой убоялись мучений и смерти и покинули российские приделы. Они перешли польский рубеж, который был всего в пятнадцати верстах от их слобод. Здесь почти у самой русской границы, православные нашли удобное место для поселения. На пустынном острове реки Сож, текущей в Днепр, недалеко от нынешнего белорусского города Гомеля они построили первую слободу, названную по имени речного острова Веткою. Польские магнаты, паны Халецкий и Красильский, которым принадлежали сии территории, были весьма рады переселенцам, отвели им пустовавшие дотоле у них земли и, получая за нее с христиан хороший чинш (оброк), покровительствовали и защищали их сколько могли. "Польские помещики были рады неожиданному притоку трезвого, спокойного и трудолюбивого населения".

Весть о том, что в белорусских землях Православие "во ослабле" (То есть, для православных существуют послабления, отсутствуют гонения), привлекая на Ветку все новх и новых поселенцев: "мнози великоросийстии людие, оставляюще своя отечества, течаху тамо, и пустая она и зверопаственная населяху места, ими же населишася слободы Ветка, Косецкая, Романова, Леонтиева и прочия". Всего в самое короткое время христиане заселили четырнадцать больших слобод. Иерей Козма сначала жил в слободе Ветке, потом в Косецкой, где в 1690 году и преставился в жизнь вечную. Согласно некоторым преданиям, Козму хоронил прибывший на Ветку священноинок Иоасаф. Отец Козма "баше сын некоего утешения и человек баше свободныя мысли града Москвы". Сей дивный служитель Божий был славен своей доброй христианской жизнью и пользовался среди православных большим уважением за свое благочестие и ревность об истинной вере Христовой.

Иерей СТЕФАН

После отца Козмы пришел в Стародубье иерей Стефан, священник из города Белева (ныне в Тульской области) "имея на себе крещение и поставление старое, муж великия ревности благочестия исполнь, взыска себе тихаго и безмолвнаго жития, всякаго покоя телеснаго и славы бегая". Стефан пришел в Стародубье вместе со своим сыном и множеством православных из калужских и тульских земель. Сначала он поселился в слободе Замишево, а потом переселился в слободу Митьковку (Митьково), получившую свое название по имени сына отца Стефана, Димитрия.

Когда были изданы "Двенадцать статей" царевны Софьи и угроза разорения нависла над христианами Стародубья, "священники же Козмы и Стефана со своими чады совет положиша отъити в Польшу". По переселении в Польшу поп Стефан поселился на Ветке, "идеже последи монастырь и церковь бе". Но на новом месте между отцом Стефаном и отцом Козмой произошли разногласия -- "священник Козма изволити приобрести на позвание народное колокола и уставити звон. Стефан же не благоволяше о том, глаголя: мы не славится семо забегохом, но от гонений укрытися. Любя же безмолвие и в неведомстве жити, отиде от Ветки и Лоев и живяше в слободе Карпове, идеже и преставися". Так отошел в жизнь вечную, "в места светла, в места прохладна, в места покойна, отнюдуже отбеже всяка болезнь, и печаль и въздыхание" священноиерей Стефан, "поп бяше прекрут и тверд верою... ревнитель сый великий староцерковных преданий".

Прп. священноинок ИОАСАФ

Достопамятный отец Иоасаф был учеником и келейником великого православного святого, преподобного Иова Льговского. Некогда и сам отец Иов был келейником святейшего московского патриарха Филарета, то "не восхоте славы сея маловременная", покинул патриарший двор и столицу, "отходящу ему от Москвы, научи себе некое детище, именем Иоасафа, и имяше его в послужение свое". Иоасаф принимал участие во всех странствованиях игумена Иова, переходя с ним из отдонго устраиваемого им монастырей в другой, до Льговского включительно. В сей обители преподобный постриг Иоасафа во иночество. Затем, по ходатайству святого Иова, Иоасаф был рукоположен во священнический сан тверским архиереем Иоасафом. Сей владыка Иоасаф имел на себе дораскольные крещение и хиротонию, и хотя служил по-новому, но тайно сочувствовал древлеправославным христианам. Епископ Иоасаф имел "дружество" со святым Иовом и, уступая просьбам преподобного, рукоположил инока Иоасафа по старым книгам. Священноинок Иоасаф вернулся к отцу Иову во Льговский монастырь. Но в 1674 году начались гонения на христиан и преподобный Иов переселился на Дон, а отец Иоасаф, "по инем местам крыся", пришел в Польшу, в слободу Вылев. Но вылевские старообрядцы не приняли священноинка, гнушаясь им как отступником от Православия, принявшим хиротонию от еретика. Отец Иоасаф, удрученный подобной хулой, возвратился во Льговскую обитель, к игумену Досифею и "возвести ему сия вся, и прошаше, да соблажнения ради народного, не велит ему священнодействовати. Досифей же, видя нужду в священстве, и внят о сем, помолвися, и метну жребий, яко да тем показано будет от Бога, что ему сотворити, и паде жребий еже бы священнодействовати Иоасафу. И так известися, прим и благослови его священнодействовати, дав же ему в напутствие Святых Таин и священнаго мира". Отец Иоасаф покинул Дон и, странствуя, вернулся к Вылеву где и поселился "от Вылева по пути семь верст". Между тем вылевские христиане наконец-то совершенно уверились в истинности священнического сана Иоасафа и стали просить его священнодействовать для них и поселиться близ их слободы. "Иоасаф же бяше благонравен и легок во обычаи, не помяну их первыя досады преклонися на прошение их, -- прииде. И поставиша ему келию при слободе Вылев". В сие время умер отец Козма и ветковские христиане, по случаю наступления Светлой Пасхи, упросили Иоасафа прибыть к ним и совершить торжественное праздничное богослужение. Иоасаф согласился, а вслед за тем, по просьбе ветковцев, переселился к ним совершенно. На Ветке он поселился там, где прежде жил поп Стефан, здесь Иоасаф решил устроить церковь и монастырь. Видя, что запасные Дары, принесенные прежними священниками, истопились, Иоасаф убедил своих прихожан начать строить новую церковь, для которой у Иоасафа имелся антими́с древнего освящения, привезенный ему старицей Меланией Белевской, ученицей священномученика Аввакума. Тогда был построен деревянный храм, а при нем создана обитель. "Устройством церкви и собранием иноков и стариц Иоасаф положил начало дальнейшему возвышению Ветки и ее влиянию среди великороссийских старообрядцев". Иоасаф умер в 1695 году, прожив на Ветке пять лет и достигнув глубокой старости, не успев освятить новопостроенную церковь. По кончине отца Иоасафа среди ветковских христиан началось

почитание его как святого, было составлено Сказание о его житии и служба ему, к сожалению, не дошедшие до нас.

Истинный иерей Христов, Иоасаф "преставился в вечную жизнь, мног плач оставль чадом своим, муж бо бяше вельми тих и благоуветлив, разсуждения изряднаго, благолепною сединою украшен, всех от образа своего благочинию могий научити. По преставлении же его премину 22 лета, мощи его и одежда обретошася целы и нетленны, ничем же вредимы". Судьба сих честных мощей печальна...

В 1735 году, на Страстной неделе произошла так называемая "первая ветковская выгонка", когда полковник Сытин силою оружия выслал в Россию сорок тысяч "беглых" старообрядцев. Тогда древлеправославные христиане пытались спасти, увезти с собой мощи Иоасафа и других ветковских старцев. Но полковник Сытин опередил намерения верующих и вскрыл по указанию киевского генерал-губернатора Вейсбаха раки со святыми мощами, освидетельствовал нетленные телеса преподобных отцов и положил их в новые гробы, запечатав полковой печатью. Затем мощи были вывезены в слободу Святскую, где и были публично сожжены генералом, князем Алексеем Шаховским по именному указу императрицы Анны Иоанновны, не доезжая Новгорода-Северского, на речке Колоске. Но ведомо, что "Бог отец наших поругаем не бывает" и гнев Божий не замедлил излиться на нечестивых святотатцев, кощунственно истребивших святыню: Генерал-губернатор Вейсбах умер в том же 1735 г., а князь Шаховской умер 27 мая 1736 г. "от тяжкой горячечной болезни".

Священнонок ФЕОДОСИЙ

Этот доблестный муж прожил удивительную и трудную жизнь, достойную любого патерика. В священнический сан Феодосий был рукоположен еще святейшим патриархом Иосифом к церкви святого Василия Великого, что при Никольском монастыре города Рыльска (ныне в Курской области). При начале раскола Церкви, не желая служить по новому, Феодосий ушел из монастыря на реку Донец, где жил в пустыне. В одном доносе той поры сообщалось, "что де на реке Жеребце, от Маяках в 20 верстах, черной пришлый поп Феодосий со учениками своими в службе своей, на яктеньях и в молитвах за великих государей и за святейшаго патриарха Бога не молят, и говорят непристойные слова, и многих старых казаков перекрещивает и учит своим ученьем". Среди местного казачьего населения святой Феодосий пользовался большим уважением: "казаки его, старца, слушали и вельми почитали: за то, что он де старец добрый и учительный человек", кроме того, он был "многим казакам отец духовный".

Однако, он был пойман и доставлен к белгородскому архиерею, попытавшемуся склонить славного мужа к принятию никоновых новин. "И после безуспешных увещаний послан к Москве, к патриарху Иоакиму, идеже много нудим бысть к приятию новопреданий, и не повинуся. И того ради отдан бысть в градский суд, и тамо много мучен и биен, и принуждаем бе".

За стойкую приверженность вере Христовой Феодосий был заточен в Кирилло-Белозерском монастыре, где просидел семь лет "стражда за благочестие, упражняяся в молитвах и от уныния писаше книги". В темнице священнонок притворился примирившимся с никонианами и, получив некоторую свободу, уехал в Поморье, а оттуда в знаменитые Керженские леса, где и поселился около 1690 года, сначала в скиту на речке Белмаше, а затем в скиту Смольяны. В сем скиту сохранялись дораскольские запасные Дары и довольный запас святого мира. За сими святыми приезжали в Смольяны издалека, со всех краев России. На Керженце Феодосий созывал соборы, всячески поддерживая истинное Православие. Своей деятельностью он привлек внимание правительства. В 1694 году начались розыски, и отец Феодосий вынужден был бежать в Калугу. В Калуге с Божьей помощью он разыскал заброшенную дораскольную церковь Покрова Богородицы. За ветхостью в ней уже много лет не совершалось богослужение, но церковь не была разорена, в ней сохранился и престол, и антимис, освященный еще при святейшем патриархе Иоасафе, и иконостас времен Ивана Грозного. В Великий Четверг 1695 года Феодосий совершил в заброшенной церкви литургию и освятил запасные Дары. "Все сделано было сообразно требованиям самых строгих ревнителей старого обряда. В дониконовской церкви, на дониконовском антимисе, дониконовского рукоположения священник совершил литургию по старому "Служебнику". Святость Даров, освященных Феодосием, была для всех несомненна; даже самые беспоповцы просили у него совершенных им Даров".

С таким сокровищем, как Святые Дары, отцу Феодосию было опасно оставаться в России. В это же время на Ветке умер отец Иоасаф, и христиане стали испытывать острую нужду во священстве.

Посему ветковцы послали к Феодосию в Калугу инок Нифонта с письмом, умоляя, да придет отец Феодосий на Ветку. В 1695 году отец Феодосий перешел границу и явился в ветковских слободах. Там о. Феодосий увидел, что церковь, которую начал строить еще отец Иоасаф, мала и не вмещает всех богомольцев, ибо к тому времени население Ветки и окружающих ее христианских слобод значительно выросло. Тогда достопамятный отец повелел расширить храм в длину и ширину и украсить древлеписанным иконостасом, тем самым, из дораскольной калужской церкви; по просьбе священноинока калужские христиане прислали сей иконостас на Ветку. Так как ветковские слободы испытывали сильную нужду в священстве, то отец Феодосий, "собрав лик иночествующих пустынножителей и мирских, советова с ними соборне о приятии новохиротонисанных иереев по Никоне, и обще вси сему соизволиша". Тогда Феодосий призвал своего родного брата, иерея Александра и московского иерея Григория, имевших на себе никонивское поставление, "и сих иереев Феодосий принял вторым чином, с писанием отрицания нововводных и миропомазанием, и священников сих с первою хиротониею принял".

Совместно с сими двумя священниками в 1695 году Феодосий освятил расширенную ветковскую церковь во имя Покрова Богородицы, на дораскольном антимице, оставшемся от священноинока Иоасафа. Так был освящен первый после раскола православный храм, в котором постоянно свершалась Божественная литургия... При храме к тому времени уже существовал мужской Покровский монастырь, число насельников которого достигало в лучшие годы восьмисот человек. Так начался расцвет Ветки...

Достопочитаемый отец Феодосий был великим ревнителем древлего Православия, неложным священником Христовым: "бша же священный отец Феодосий добрый страж, добрый пастырь стада Христова, священных канонів и святоотеческих преданий блюститель, мира церковнаго хранитель, новосечений и нелепых мудрований обличитель и искоренитель, в распрях и смущениях сущим примитель, иночествующим преподобный наставник и искусный правитель и окормитель, не точию близ сущих окормляя, но и в далечайших странах писаньми своими посещая. Во она бо времена всея России ревнители древних преданий яко отца или священноправителя его имяху и в духовных делах от него совета и благословения требоваху, и святу ю Евхаристию от него получаху". Феодосий рассылал по всей России не только запасные Дары, но и священное миро; "старое, освященное еще при патриархе Иосифе миро Феодосий разбавлял деревянным маслом и пользовался им при исполнении таинств".

Есть основания полагать, что с 1708 г., незадолго до своей блаженной кончины отец Феодосий прекратил пастырское служение "за немощь конечныя старости". Однако, пред самою своею смертию преподобному старцу пришлось принять участие в уврачевании церковного нестроения - заблуждений керженского диакона Александра и иерея Димитрия, начавших вводить новшества в уставы Святой Церкви. В частности они признавали равносторонний четвероконечный крест ("греческий крест") достойным поклонения наравне с трисоставным Крестом, а также особо совершали каждение. Известие о новшествах диакона Александра довело отца Феодосия и всю ветковскую братию до "немалых слез", так как в сем нестроении отчетливо виделись предпосылки к новому расколу Церкви. Старец Феодосий вызвал диакона Александра и попа Димитрия на Ветку (около 1708 г.) и, упросив их прекратить раздорническую деятельность, отпустил с миром.

Однако предотвратить церковный раскол не удалось и уже вскоре (9 июня 1709 г.) преподобному отцу пришлось вести собеседование с представителем "диаконического" согласия, начетчиком Тимофеем Лысениным, именовавшим четвероконечный крест "истинным и животворящим Крестом Христовым" и утверждавшим, что сей крест "едину честь имеет с трисоставным". В ходе этой беседы блаженный старец произнес "Исповедание о Кресте Христове" (см. Приложение 2).

Скончался отец Феодосий в маститой старости в 1710 или 1711 году. Мощи же его, кои Бог прославил нетлением, были погребены возле Покровского храма "вне церкви подле алтаря, над которыми каплица (часовня) сделана, и служат в ней панихиды". Но сии мощи были сожжены в 1735 году вместе с мощами прочих ветковских отцов.

Священнонок АЛЕКСАНДР

О сем служители Христове нам известно мало. Он был родным братом священноинока Феодосия, белым попом из города Рыльска. Крещение имел на себе дораскольное, но хиротонию -- никонианскую. В 1695 году он пришел на Ветку, где был принят вторым чином от ереси и начал священнодействовать. А вскоре был пострижен Феодосием во иноческий образ. С 1711 года священнонок Александр стал "начальствующим учителем" на Ветке и игуменом Покровского

монастыря. "О деятельности иеромонаха Александра на Ветке, как ближайшего преемника Феодосия, не сохранилось ровно никаких сведений", известно только, что он продолжил принимать вторым чином иереев, рукоположенных от новообрядческих епископов. Так, он принял и прочих. После смерти и его тело было явлено нетленным. Судьба его честных мощей печальна -- они были кощунственно сожжены вместе с мощами Феодосия в 1735 году. Необходимо отметить, что отец Александр был первым священноиноком, принятым от никонианской ереси через помазание миром (вторым чином). Отец Феодосий, совершивший сие, "установил прочную практику приема в старообрядчество священников, рукоположенных в патриаршей и позже в синодальной церкви, и посему его можно считать за первого установителя и основателя поповщины".

Прп. ЛАВРЕНТИЙ ВЕТКОВСКИЙ

Преподобный инок-схимник Лаврентий был родом из Калуги, мирское его имя нам неизвестно. Он приходился родственником святому Лаврентию, юродивому Христа ради, калужскому чудотворцу (память 10/23 августа). На Ветку преподобный отец пришел еще во дни Петра I, при священноиноке Феодосии (вероятно, в конце XVII века) и, постригаясь здесь, в подражание своему сроднику принял имя Лаврентий. Немало лет жил Лаврентий в ветковском Покровском монастыре в послушании у игумена Власия (Грибина), был свидетелем присоединения к древлеправославной Церкви епископа Епифания (1733-34).

Болезнью о вдовстве Святой Церкви, отец Лаврентий принимал участие в поисках архиерея ветковскими и стародубскими христианами: так под прошением о поставлении епископа от 5-ого мая 1731 года, поданном цареградскому патриарху староверами-поповцами, между прочими подписался и "обители Введения Пресвятыя Богородицы строитель Лаврентий с братиею". А вскоре святой муж стал свидетелем присоединения к Православной Церкви епископа Епифания (1733-34)

Во время "первой ветковской выгонки" 1735 года преподобный избежал высылки в Россию и вместе с немногими из братии ветковских монастырей удалился в лес, на берега речки Узы. Здесь, в двенадцати верстах от Гомеля, среди дремучего леса, трясин и болот, летом того же 1735 года инок-схимник Лаврентий посавил келью и маленькую часовенку во имя Всемиловитого Спаса. В то пору солдаты из карательного отряда полковника Сытина, рыща по лесам, искали всюду православных, но Господь Бог чудесным образом спас преподобного Лаврентия: "повнегда воины обступиша жилище его, блаженный отец изыде из келии, и пришед к близ стоявшему великому дубу, и простер ум свой к Богу, моляшеся, да покрывает его от обышедших и, призываше же в предстательство великаго архистратига Михаила, и услышана бысть молитва его. Никтоже бо можаше видети его, но походивше сюду и сюду, и никогоже обретше, отдоша; он же избыл пренения ратных, воздаваше благодарение Господеву, и за спасение свое устави праздновати чюдо святаго архангела Михаила месяца сентября в 6 день, еже и совершашася в монастыре оном (Лаврентьевом) по вся лета неизменно". Православные христиане сходились к Лаврентию, и через несколько лет вокруг его кельи возник довольно людный монастырь, хотя и чрезвычайно бедный. В первые годы существования киновии братии приходилось не только ради добровольного иноческого подвига, но и ради нищеты нередко питаться корою дубовою и кореньями. В монастырской часовне было всего шесть икон, принесенных Лаврентием из Калуги. "Не было на этих древних, а потому уважаемых старообрядцами иконах, никаких украшений, и только в великие праздники теплились пред ними восковые свечи; при обычной же повседневной службе Лаврентий употреблял лучину". "Из икон, принадлежавших Лаврентию, известны четыре, это: Чудо архангела Михаила в Колоссах, во имя которого была устроена вторая часовня; потом инока это стояла в трапезной церкви, и ей бывал в монастыре храмовый праздник шестого сентября; Введения во Храм Богородицы, Сретения Господня, Знамения Богородицы". Лаврентий ввел в своем монастыре необычайно строгий устав: согрешившего инока вначале увещал сам настоятель и собор братии, потом ставили на поклоны. "Если и это не действовало, сажали на цепь в подполье; если же и на цепи инок не исправлялся, со срамом изгоняли его из монастыря". Примером строгого жития и крепкого благочестия являлся для братии сам отец Лаврентий, великий молитвенник и постник.

Умер преподобный Лаврентий, достигнув преклонной старости, в 1776 году. Рассказывали, что когда у его смертного одра собрались братия, он благословил инока Феофилакта быть по себе игуменом и обязал всех иноков неуклонно и строго соблюдать заведенный им в монастыре порядок и навсегда сохранить суровый устав иноческого жития. Последние слова святого были: "Се ныне, отходя света сего, могу с Богоприимцем рещи: Ныне отпускаеши раба Твоего Владыко, с миром, яко видесте очи мои спасение людей Твоих." Погребен угодник Христов был возле соборной часовни. А

в монастыре, в ризнице церкви Чуда архангела Михаила бережно и с почетом хранились иконы, келейный Псалтырь и другие богослужебные книги, принадлежавшие преподобному мужу и почитавшиеся великою святынею.

Киновия, основанная преподобным отцом, просуществовала весьма долго, только в 1839 году она была разорена властями, окончательно уничтожена лишь в 1844г. за отказ принять пресловутое единоверие, которое тогда активно насаждалось в старообрядческих обителях Могилевской и Черниговской губернии. Ныне на месте славной обители находится урочище Лаврентьева дача, а неподалеку расположена деревня Прибор. Последним игуменом Лаврентьева монастыря был (с 1832 года) отец Аркадий (в миру -- Андрей Шапошников), впоследствии епископ славский.

Следует сказать, что христиане почитали не только сам монастырь с находившимися в нем часовнями и иноческими могилами: верующие люди почитали как бы священным и сам лес, окружавший киновию. В сем заповедном лесу даже "свалившееся от старости дерево, сломавшуюся ветвь нельзя поднять, не сказав: "Преподобный отце Лаврентий, прости и благослови принять сие древо за благословение". И ничего нечистого из того древа делать нельзя, и ничего ногами попираемого, иначе в доме сделавшего будут свары и ссоры, и кровопролитие, и тати расхитят все имущество. Даже грибы и ягоды нельзя собирать в том лесу без испрошения благословения у Лаврентия. Только деревца на троичкие березки да растущую по берегу Узы вербу для заутрени "Цветного воскресения" можно всякому брать невозбранно; да еще дозволялось рвать прутья -- на Егорьев день коров на первое поле выгонять. А кто "русальные венки" в том лесу станет завивать или "кумиться" вокруг дерева, а паче всего на день Предотечев "Купалны огни" зажигать, тому несть прощения ни в сем веке, ни в будущем". Такова была слава великого угодника Божьего, досточудного Лаврентия.

Прп. ВИКЕНТИЙ НОВОКРУПЦОВСКИЙ

Древние подвижники истязали плоть свою. Молчали десятилетиями, лежали в гробах, в смрадных пещерах жили, приковавшись к самому темному углу. Боролись с искушениями, являя мирянам образец безгреховной жизни.

Один из видов иноческого подвига – житие в пещерах. В пещерах, по-старинному. Первый русский пещерный монастырь – Печерский монастырь в Киеве. Его основал преподобный Антоний (преставился в 1073 году).

Этот святой старец, уроженец города Любеча, принял постриг на горе Афон. В середине XI века он вернулся на Русь, в Киев. Нашел пещерку на уединенном холме. И зажил тут, предаваясь молитве и посту. И все время копал пещеру, не давая себе покоя ни днем, ни ночью.

Киевляне узнали о благочестивом отшельнике. К нему стали приходить боголюбивые люди, ищущие иноческого жития. Старец принимал их и постригал. Так образовался небольшой монастырь. Братия выкопала новую пещеру, церковь и кельи.

Среди учеников Антония особо прославился преподобный Феодосий (скончался в 1074 году).

Молодым человеком, уйдя из родительского дома, Феодосий пришел к Антонию. Пал ниц и со слезами просил разрешения остаться у него. Старец указал на свою пещеру и сказал:

– Чадо, видишь эту пещеру? Место скорбное и непригляднее иных мест. Ты же юн. И, думается мне, не сможешь, живя здесь, терпеть скорби.

Но юноша настаивал. И отшельник удовлетворил его просьбу – оставил в монастыре.

В темной пещере Феодосия устрашали и искушали полчища невидимых бесов. После вечерней молитвы инок садился на стул, чтобы немного поспать. Спал же он, сидя, не позволяя себе прилечь даже на малое время.

Когда Феодосий садился, тут же слышался в пещере шум от топота множества бесов. Как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в дудки. И все кричали так, что пещера тряслась от страшного шума.

Но чернец не пугался и не унывал. Он ограждал себя крестным знамением, вставал и начинал читать Псалтырь. Тотчас страшный шум затихал. Так с помощью Божьей Феодосий победил злых духов.

В XVII веке пещерным житием подвизался преподобный Иов Львовский. Когда он с учениками поселился на Львовских горах, то выкопал себе небольшую пещеру.

Затем к Иову из Москвы пришел черный диакон Арсений. Вместе они копали дальше. Землю выносили на плечах с пением псалмов. И так выкопали новые пещеры и длинные ходы. Над ними старанием Иова был построен храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского. Таков многотрудный подвиг пещерного жития. В XVIII столетии на Ветке этим подвигом прославился преподобный Викентий Крупецкий.

Викентий пришел из Москвы на Ветку еще в первых годах ее заселения – в конце XVII века.

Избежав "ветковской выгонки", инок поселился в монастыре Лаврентия. Здесь Викентий отличился благочестивой жизнью и необычайно строгим подвижничеством. Здесь же принял схиму.

Прожив в обители пять лет, Викентий по благословению настоятеля покинул ее для отшельнического жития. Ушел в пустынь, поближе к тогдашней русской границе. Неподалеку от Лаврентьева монастыря, возле слободы Крупец инок своими руками выкопал в горе пещеру, где и поселился.

Из пещеры потаенная дверь вела в тесный длинный проход с разными переходами, где в углублениях стояли иконы и кресты. В одном месте трудами Викентия был вырыт колодец, воду которого потом почитали святой. Проход оканчивался тесным погребом, где и жил схимник.

Неустанная молитва, пост, бдения и ношение вериг исполнили старца чудесной благодати. Рассказывали, что Викентий отличался необыкновенной прозорливостью и пророчествовал. А однажды, находясь после долговременной молитвы в состоянии восторженности духа, имел божественное видение.

К Викентию стали сходитьсь чернецы. Подле пещеры отшельника возник скит с двумя часовнями и несколькими кельями. Прошло еще немного времени. И вокруг скитской ограды образовалась старообрядческая слобода, получившая название Новый Крупец.

Слава пещерного жителя и крепкого хранителя православия привлекала к схимнику все новых и новых подвижников. И вскоре братия Викентия превзошла в строгости иноческого жития насельников Лаврентьева монастыря.

В 1773 году, чрез год после того, как слободы Ветки отошли от Польши к России, Викентий умер в возрасте почти ста лет. Тело его, изможденное постом, бдениями, молитвами, веригами и трудами, было обретено нетленным.

Весть о святых мощах облетела весь христианский мир. Скитники положили мощи в деревянную гробницу и поставили ее в той самой пещере, где подвизался старец. В пещере ежедневно, с утра до вечера, возносились молитвы.

Толпы богомольцев не только из старообрядческих слобод, но и из соседних белорусских деревень потекли к мощам Викентия. Богомольцы брали из пещеры песок, а из колодца, выкопанного руками святого, – воду. По вере берущих от песка и воды совершались исцеления различных недугов. У гробницы нового угодника Божьего стали совершаться чудеса.

Но в 1774 году местный никонианский священник написал донос о мощах. Началось следствие, в котором принял участие даже синод.

Через год было принято решение: послать в Новый Крупец чиновников и солдат. Им предписывалось освидетельствовать мощи, а затем закопать в потаенном месте, чтобы староверы не могли найти их.

Но чиновники и солдаты поступили по-своему. Они сожгли тело Викентия, закрыли его пещеру, скит разрушили, а иноков разогнали.

На месте сожжения мощей, в потухшем костре староверы отыскивали обгорелые кости, часть одежды и оставшееся совершенно целым сердце схимника. Устроив из жести небольшой ящик, верующие благоговейно положили в него собранные останки и тайно передали в Лаврентьев монастырь.

Вериги старца, выкупленные за большие деньги у никониан, были отправлены в Гомель. Теперь богомольцы для поклонения святым мощам приходили в обитель Лаврентия. Когда же умирал преподобный Лаврентий, то завещал своему преемнику возвратить останки Викентия в Новый Крупец. Что и было исполнено.

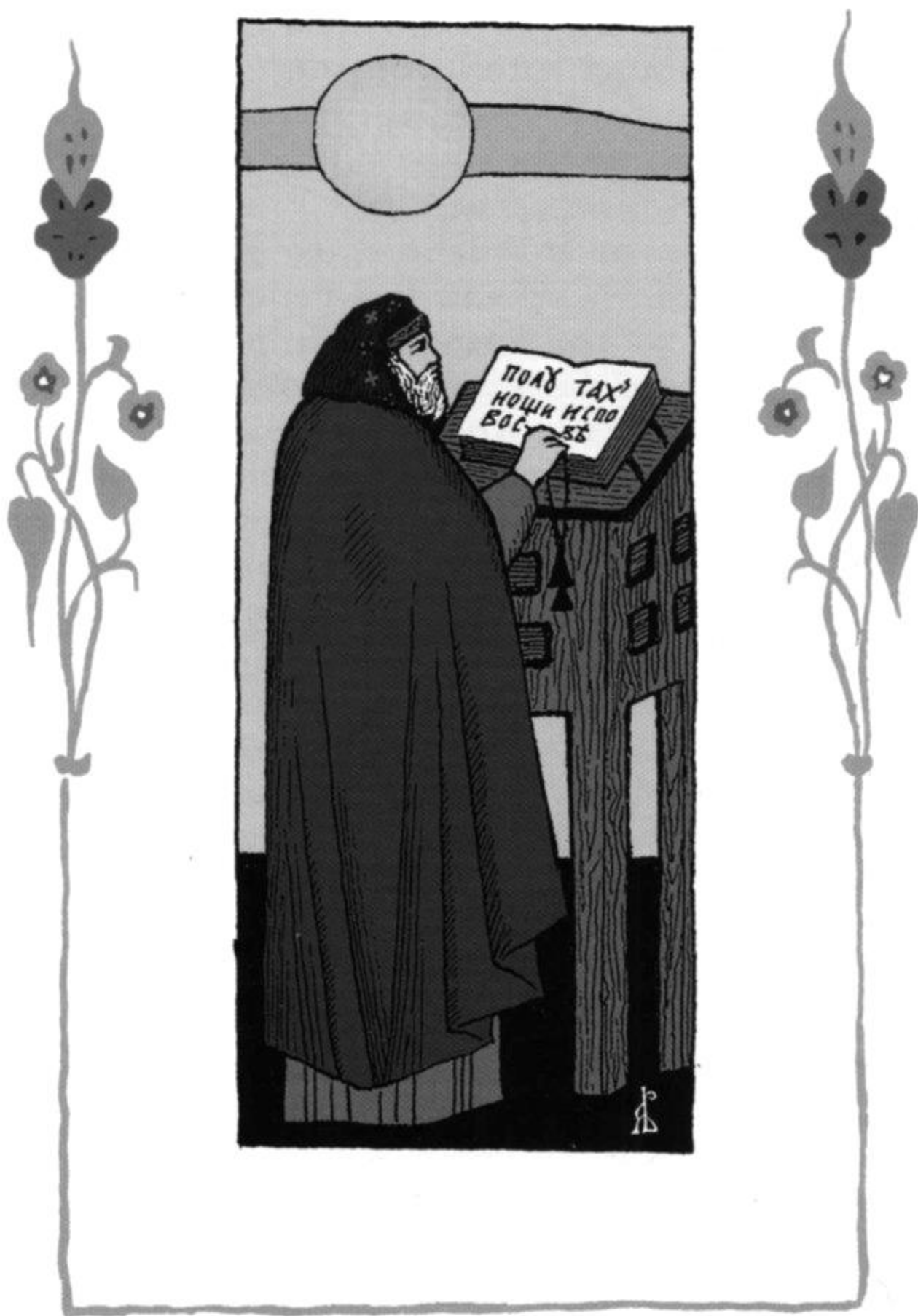
В 1839 году власти разоряли Лаврентьеву обитель. Угроза уничтожения нависла над прочими монастырями Ветки и Стародубья. Тогда мощи чудотворца Викентия были увезены в Турцию, в Добруджу. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Место на горе, где стоял скит святого Викентия, нынешние жители Крупца называют "городком". Некогда здесь была построена старообрядческая церковь, сгоревшая в 1917 или 1918 году. Теперь на месте храма и скита установлен памятный крест.

Подвигам и чудесам святого Викентия было посвящено "Сказание о житии и отчасти чудес преподобного отца нашего Викентия, иже на Новом Крупце". К сожалению, сказание не дошло до нас. Но память о славном подвижнике, великом чудотворце Викентии всегда будет храниться христианами. Жители Крупца до сего дня помнят старца. И поныне староверы Крупца верят, что "благодаря ему несчастья "обходят" деревню".

Прп. старец АФАНАСИЙ

Происходил из бедных дворян, настоящее имя его неизвестно, в Лаврентьев монастырь он поступил под именем белицкого мещанина Андрея Тимофеева. В святую обитель Афанасий пришел в 1788 году, при игумене Феофилакте, и прожил в киновии семьдесят лет. Сей старец был "препрост человек", жил в совершенном послушании и отсечении своей воли, молился день и ночь, плакал. Смирение же и кротость имет младенческую. Отец Афанасий не был юродивым, но, проникнув духом Христовой любви, дошел до состояния совершенного младенческого незлобия и в то же время младенческой чистосердечной простоты. "Его считали святым человеком, говорили, будто подобных старцев и в древности мало бывало, гордились таким подвижником". Впрочем, некоторые из братии потешались над блаженным старцем как над слабоумным, не имея достаточного разума, дабы понять великий подвиг сего святого.

Прп. старец ХАРЛАМПИЙ

Сей дивный угодник Божий был самым строгим подвижником среди иноков обители преподобного Лаврентия, и еще при жизни его стали почитать за святого. Старец покинул киновию и ради более суровых подвигов удалился в лес, где питался только кореньями, носил тяжелые вериги. Лишь раз в неделю, по субботам приходил из лесной кельи в монастырь. "Никто никогда не замечал, чтобы отец Харлампий на кого-нибудь сердился или о ком-нибудь сказал укорительное слово. Он почти не спал, а иногда налагал на себя обет молчания и безмолвствовал года по два и больше".

Старец ИГНАТИЙ

До иночества был мещанином уездного города Белицы (ныне -- Ново-Белица, предместье Гомеля), мирское имя его -- Иван Прокофьев. В послушании своем стал конюхом Лаврентьева монастыря. Отличался необычайно строгим и суровым житием. Се был великий подвижник, "усердно исполнявший келейное правило, носивший тяжелые вериги и до такой степени усиливший пост, что в иные дни питался лишь сеном и овсом из одних яслей со вверенными попечению его конями".

Старец СЕРГИЙ

До иночества -- московский мещанин Семен Масленников, уроженец Калуги. Был казначеем Лаврентьева монастыря. Отличался строгим подвижничеством. "Высокого роста, здоровый, даже тучный, считался он самым благообразным и представительным иноком из лаврентьевской братии; человек был умный, отличался трезвостью и ревностью к старообрядчеству".

Старец ИЛИЯ

О нем мы знаем только то, что в миру он был белицким мещанином Иродионом Демидовым, родом белорус. Жил в Лаврентьевском монастыре с 1803 года и прославился истинно-подвижнической жизнью.

В миру Иоанн (?) Морозов, уроженец Москвы. Еще в пятидесятые годы XVIII века, восемнадцатилетним юношей возлюбил он иноческое житие и, дав пред Богом обет принять постриг, покинул родину. Он перешел тогдашнюю польскую границу и явился в обитель, к преподобному Лаврентию. "Лаврентий принял его к себе в послушники, но не более трех лет пылкий юноша мог разделять труды и лишения с бедною еще тогда лаврентьевской братией". Смущали его страсти и различные соблазны. Видя тяжелую внутреннюю борьбу в своем послушнике, Лаврентий потребовал от него, чтобы он покинул святую обитель, и, пока не оставят его страсти, пожил в мире. Юноша возражал, что он дал уже пред Богом обет неисходного иноческого жития, но прозорливый Лаврентий так ответил ему: "Будет время -- наденешь камилавку, а теперь поживи пока в мире". Морозов подчинился игумену и покинул монастырь, ушел в мир и занялся торговыми делами. Господь помогал ему, и он вскоре составил огромное состояние. Переселившись в Елизаветград (ныне -- Кировград на Украине), Морозов сделался самым значительным там купцом и нажил миллионный капитал. Прожил он в сем городе до тридцатых годов XIX века. Было ему почти сто лет, а Господь все не призывал его к себе. Долго и слезно молил купец Христа, да пошлет ему смерть, но тщетно. И понял тогда старик, что до тех пор не вкусит от смерти, пока не исполнит данного Богу обета. И вот, оставив мир и почет, поспешил Морозов исполнить обещание юности, отправился в Лаврентьев монастырь. Вместе с купцом отправился и его верный приказчик, Даниил Астафьев, не захотевший разлучиться с хозяинов. В киновии они поставили себе добротную келью и поселились в ней, приняв иночество. При пострижении Морозов был наименован Иоасафом, а Даниил -- Дорифеем.

Сие произошло в 1832 году, когда игуменом обители стал Аркадий (Шапошников). Живя в монастыре, отец Иоасаф употребил на устройство его до ста тысяч рублей, принесся сим киновии неожиданное богатство. Благодаря вкладу Морозова монастырь пополнился, по свидетельству статского советника В. Алябьева, "многоценною ризницей, образами в дорогих окладах, из коих некоторые стоят: от трех до пяти тысяч рублей ассигнациями, постройкой деревянного здания под названием "ризницы" и новых келий вместо сгоревших от бывшего в монастыре пожара, и наконец: хлебными запасами (1000 четвертей)".

Пробыв во иночестве шесть лет, старец Иоасаф почил в Бозе (1838г.) и был погребен подле своего наставника, досточудного Лаврентия. Так закончилось сие удивительное житие, достойное любого древнего патерика.

На сем, с Божией помощью, заканчивается настоящий небольшой патерик. Если же кто, сие читая, обрящет в нем ошибки, неисправности или недосмотры, пусть не клянет наше грешное художество, но да исправит, как Господь его вразумит. Богу нашему слава во веки веком. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1. ОТ ПОСЛАНИЯ ОТЦА ФЕОДОСИЯ В НИЖЕГОРОДСКИЕ СКИТЫ ПО БЛАГОЧЕСТИИ РЕВНИТЕЛЕМ.

"Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

Пречестныя обители Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго Ея покрова, от священноинока схимника отца Феодосия, и священноинока отца Александра, и еже о Христе с братиею, мир и благословение и послание от нас в нижегородские скиты по благочестии ревнителям, опасно соблюдающим веру христианскую, подражающим равноангельскаго жития отцем и братиям, и честнаго собора иночествующим матерям православно живущим, честно и опасно соблюдающим святых апостол и святых отец предания Восточныя, Соборныя Церкви, блюдущимся от нововводнаго растленного учения, и всякия ереси, и о своем спасении пекущиеся, подражающей и ревнующей древле просиявшим великим отцем...

Будите вы покровени десницею Вышняго Бога от всякаго искушения вражия до конца жития своего, спасайтесь о Христе в любви вси...

А про нас изволите о Христе любовно ведати, и мы дал Бог в добром здравии во обители; и тщимся всячески, чтобы сохранить веру христианскую от всякия ереси, и без соблазну и без смущения соблюсти Церковь Божию...

Всех соединяйте Святей и Апостольстей, Соборней Церкви, чтобы были вси согласны со святыми богословцы, и сынове света, а не погибли бывайте...

Ничтоже тако прогневляет Бога, якоже вражда, и разделение Церкви; тако и ничтоже Того возвеселяет, егда без смятения пребывает Церковь.

Сами вы ведаете, кая польза во вражде пребывати? Токмо гибель, и часть диаволя сия содевающе...

И тако потщитесь и попекитесь о своем спасении, и поживите в любви, и во смирении, и в соединении между собою... и да будет благословение Господне на всех вас".

2. ИСПОВЕДАНИЕ О КРЕСТЕ ХРИСТОВЕ СТАРЦА ФЕОДОСИЯ, КАКО ОН ВЕРУЕТ И МУДРСТВУЕТ О КРЕСТЕ.

"Крест Христов, на нем же распялся Господь наш Иисус Христос, от трех древес сложение имать: от кипариса, и пегаса, и кедра, иже бысть подножию ногу Его, воистину свято есть; ему же аз поклоняюсь и почитаю, на нем же Христос распялся; но и всякому кресту, иже во образ и подобие сотворенному оного Христова животворящего Креста, поклоняюсь я самому оному, на нем же Христос пригвоздися. А что на ризах, и на патрахиях, и на уларях крестное ображение, на поясах священнических, где како положено в Церкви, вся та приемлю по Преданию..."

3. ДУХОВНЫЙ СТИХ "ПЕСНЬ УМИЛЬНА ЛАВРЕНТЬЕВА МОНАСТЫРЯ".

Боже, приидоша времена до нас,
О них прорекоша еще прежде нас.
Пустыня была всем прибежище,
Ныне уже там нет прибежища.
Разлучают нас, разлучают нас!
Рады б неразлучно идти за Кавказ.
Не противимся Божией воле,
Идем во своя мы поневоле.
Оставляем храмы, пречудно созданы,
Златом и серебром богато убраны.
За царя молить и в поле будем,
Про житье свое в век не забудем.
Пушай владеют чужим насильно,
Скоро Судия воздаст обильно:
Равен у Него и царь, и воин,
Богату и нищу Судия един!
Иргизские воды в море утекли,
Его жителей вон вытеснили,
Поселили их близ Ленкорана,
Им свобода там вполне дана.
Аралат гора и Аракс река
В соседстве у них в последни века.
Каспийское море их обливает,
Песчаная степь их обливает,
Снеговые горы покрывают их
И река Евфрат недалече их.
Дождались и мы жестокой зимы,

Выслали всех нас без всякой вины.
Мы во всё власти повинемся,
За обидящих нас Богу молимся.
Построим мы кущи вместо светлых келий,
Мы будем в молчании вместо громких пений.
Поминать мы будем про житье свое -
Жили мы при реке, при быстрой Узе,
Но время быстрее нашей реки,
Оно унесло молодые веки.
Цвела обитель более ста лет,
Ныне опустела, уже ея нет.
Звон был удивленный, аки гром гремел;
Собор разных птиц громко песни пел.
Теперь всё замолкло и нет ничего -
Погибло, потлело, травой заросло.
Перестаньте петь, веселыя птицы,
Скоро улетайте за море от нас,
Скажите за морем, что уж нас тут нету,
К нам не прилетайте к будущему лету.
Пушай распекает здесь одна сова,
Летучия мыши, воробьев стада.
Прохожий не может без слез пройти,
Рассматривая разны предметы,
Никого не видит, никто не встречает,
Он, все озирая, главою качает.
Где праведный суд? Его не стало,
Как превратное время настало.

